

СУХОЙ ОВРАГ

Отречение

АЛИСА КЛИМА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Дизайн обложки Я. Клыги

Клима, Алиса Вячеславовна.
К49 Сухой овраг. Отречение : роман / Алиса
Клима. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-236076-3

Тридцатые годы XX века.

Между Ларионовым и Верой всегда стояли непреодолимые барьеры, но ничто не помешало им полюбить друг друга... А затем потерять — казалось бы, навсегда.

Возможно ли теперь, спустя десять лет, обрести любовь там, где другие находят лишь страдания?

Ларионов, начальник трудового лагеря, мечтает облегчить заключенным жизнь. Он решается на отчаянный шаг, еще не понимая, чем это обернется — как для узников ГУЛАГа, так и для него самого.

Однако способность любить может изменить многое. Даже в глухой Сибири, в центре жестокой эпохи, любовь возрождает главное: надежду.

Вторая книга исторического цикла «Сухой овраг».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Клима А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-236076-3

Глава 1

Силами заключенных и волей Ларионова лагпункт Тайгинского леспромхоза обзавелся новым актовым залом. Женщины зоны занялись его оформительством. Библиотеку с ним теперь соединяла анфилада, через которую шло тепло от печи — результат изобретения убитого карателями Скобцева.

Все здесь пахло новой свежей доской. Мужики сколотили и расставили рядами лавки. Зал вышел большим и вмещал до пяти сотен человек. Ларионов сообщил народу, что получил разрешение потратить небольшую сумму на декорации. Был сшит плюшевый занавес для кулис, рампу выкрасили в зеленый цвет — цвет, который наряду с синим и коричневым предпочитали власти для окрашивания основных государственных объектов (то есть больниц, школ, казарм и исправительных учреждений).

До нового 1938 года оставались сутки. В бараках занятые в представлении заключенные проводили последние репетиции. Из музыкальных инструментов были доступны только баян Кузьмича, две балалайки, гитара, маленький бубен, неизвестно как попавший в лагпункт, и дудочка, сделанная костромским мастером — заключенным Карпом Ильичом.

Инесса Павловна была очень довольна музыкальной постановкой номеров, но сетовала на то, что не было фортепиано — главного концертного инстру-

мента. Однако совместными усилиями репертуар сложился густой. В представлении было занято пятьдесят заключенных. Трех пришлось заменить, так как изначально задуманные артисты погибли при недавней «чистке» НКВД.

За неделю до выступления, после того как уже была утверждена программа, Клавка придумала пантомиму, которая должна была идти первой после открытия. Инесса Павловна волновалась, что номер не понравится Ларионову, он рассердится и воспримет его как насмешку, а Губина напишет рапорт, и все закончится штрафным изолятором. Но все же решились. Номер шел сюрпризом и для Ирины.

Клавка, работая на лесоповале, беспрестанно пела арию на итальянском, хотя Инесса Павловна категорически запретила ей драть связки на морозе.

— Клавка, а ты на каковском поешь? — смеялись бабы.

— Эх вы — деревня! Я итальянский знаю, — гордо выпячивала грудь Клавка. — А вы только лес валить горазды!

Многие заключенные получили разрешение на внеплановый марафет у Арона Исааковича Кочуринера — лагерного брадобрея.

— Вот когда я стриг и брил на Дерибасовской, — говорил он, срезая клочок волос, — я не думал, что я таки когда-нибудь окажусь в Сибири. А теперь, когда я стрижу и брею в Сибири, я таки не уверен, что опять вернусь на Дерибасовскую. Но все же даже в Сибири Арон Исаакович стрижет и бреет, и все же, если я таки попал в Сибирь, может, я окажусь когда-нибудь на Дерибасовской. Время течет, все меняется. Кто знает, что завтра будет? — Арон Исаакович символически поднял вверх глаза.

— А что там такого на Дерибасовской?

— Вей! Там все! Даже чего нет в Париже, есть на Дерибасовской! Разве вы найдете в Париже таких раков, как у Жози? А какую мама Мойши готовила фаршированную *рибу*! Это разве *риба*, *шо* мы едим в этой богадельне? Настоящая *риба* только на Привозе!

Утром в день концерта Ирина приняла решение не говорить никому об отъезде Ларионова в Москву. Но слухи в лагпункте расползались быстро. Однако Федосья с невозмутимым видом всех уверяла, что хозяин уехал в Сухой овраг и вернется к началу концерта.

Ирина горько усмехнулась. И Федосью обманул... Она сжимала телогрейку на груди, стараясь унять боль. Но получалось плохо. Глаза были все время на мокром месте. Инесса Павловна боялась задавать вопросы, но чувствовала, что накануне вечером что-то случилось. И случилось серьезное...

Представление было запланировано на шесть вечера. В пять заключенных привели в зал под конвоем. Конвой расположился вдоль стен. Так как в зале мест на всех желающих не хватало, решили провести повторный показ на следующий день. Заключенные переглядывались и переговаривались. Они забыли уже, когда в последний раз ходили на концерт. Радость зрителей стала передаваться артистам. Те за кулисами ждали сигнала.

Наконец в дверях показалось начальство. Первый ряд был отведен для администрации лагпункта. Ирина смотрела через щелку занавеса: Губина и Грязлов сели по центру, рядом с ними — другие администраторы.

Заключенные озирались. «Они ждут Ларионова», — подумала Ирина, и глаза ее снова наполнились слезами. Где он сейчас? Наверное, мчит уже в Москву в поезде... Но чего же она хотела?! А ведь ей было больно, действительно больно. Он выбрал Веру! Веру,

которую не видел много лет, о которой ничего не знал, которая сейчас уже могла быть кем угодно, но не возлюбленной из его воспоминаний. А она, Ирина, была настоящей, живущей в дне сегодняшнем! Он бросил Веру. Он признал это. Бросил...

Ирина смахивала слезы. И что он хотел теперь от Веры? Что?! Неужто он не забыл ее, помнил настолько, что помчался к ней?.. Говорить? О чем? О чем можно говорить с чужим человеком?! Просить? О чем?! Простить его?.. И потому он бросил их... Бросил после всего, через что они прошли... Ради какой-то забытой, жалкой девчонки из прошлого! Ирина чувствовала, как ее горло передавливал ком, а в голове метались абсурдные, безжалостные мысли.

Как хорошо, что она запретила себе откликаться на его ухаживания: как убийственна была бы и без того клокочущая боль, если бы она уступила его воле. И как он мог предать их всех?! Даже пусть и ради давней любви! От бесконечной круговерти этих мыслей и чувств боль становилась нестерпимой. Она хотела ринуться прочь со сцены и выплакать это страдание в каком-нибудь углу. Но тогда и она всех предаст!

Ирина отпрянула от занавеса и, обессиленная, побрела сквозь суету закулисья, не желая уже ни выступления, ни, в сущности, ничего...

Она услышала, как зал внезапно взорвался аплодисментами и улюлюканьем. Сердце замерло от пробежавшего холодка предательской надежды. Ей хотелось заткнуть уши, чтобы не допускать этой надежды; было страшно шагнуть к занавесу, чтобы снова разочароваться. Но она шагнула и дрожащими руками приоткрыла его и вдруг ощутила тьму перед глазами. Кровь хлынула к лицу. В зал вошел Ларионов.

Ирина вцепилась в ткань кулис и быстро дышала. Горло сдавил какой-то спазм. Она вдруг заплакала.

Клавка, заметив наконец панику Ирины, подскочила и оттащила ее в сторону.

— Ты чего?! — воскликнула Клавка, выпучив глаза.

— Ларионов... он там...

— А где ж ему быть?! — развела руками Клавка. — Ну даешь!

Клавка махнула и помчалась на исходную позицию. До начала представления оставались считанные минуты. Ирина неожиданно обмякла. Нет, Вера была позади... Существовала ли она вообще? И важно ли теперь это было? Если даже Ларионов все же решил ехать в Москву, но отложил, он все-таки выбрал их! Он не смог не разделить с людьми этот важный день... Руки Ирины потеплели. Ей показалось, что концерт уже состоялся. Произошло уже все самое основное. В этот вечер ничего уже не случится важнее возвращения Ларионова.

Ларионов смутился таким неожиданным вниманием к нему и сделал всем знак сесть, а сам отказался идти на первый ряд и остался у прохода на пятом ряду с одним из зэков. Тут же подле него нарисовался конвоир, но Ларионов показал ему жестом не дергаться, и тот отпрянул к стене. Майор выглядел уставшим, но на удивление благостным.

Послышался хрупкий звон колокольчика, и на сцене показалась Польша Курочкина с серым листом бумаги. Она вышла в центр и, скоро дыша от волнения и счастья, выкрикнула тонким голоском:

— Граждане, добрый вечер! Тихо! Тихо! Мы начинаем торжественный концерт, посвященный... посвященный выполнению плана по лесоповалу на 1937 год! Слово для открытия предоставляется гражданину старшему майору НКВД — Ларионову Григорию Александровичу!

Зал зааплодировал, и бабы зажимали уши от оглушительного свиста. Ларионов взошел на сцену.

— Товарищ, ой, гражданин майор! — радостно приветствовала его Польшка, считая, что ей отведена была главная роль.

— Здравствуйте, — сказал Ларионов без «товарищи» и «граждане», осознавая нелепость всяких определений. — Я искренне рад, что общими усилиями был построен новый актовый зал. Партия и правительство заинтересованы в развитии культуры среди заключенных в лагерях.

Он сделал паузу. Ларионов понимал, что больше этого он сказать не в силах. Сказать всего, что ему хотелось, он не мог, а того, что требовалось, не хотел.

— Искусство, — добавил он, — это то, чем наш народ вправе гордиться, и это то, что объединяет людей для совершения добрых дел. Не буду задерживать концерт. Думаю, артисты и зрители уже и так слишком долго ждали этого дня. С праздником!

Он сошел со сцены под громкие аплодисменты и крики заключенных, воодушевленных его простой речью, которую каждый понял по-своему, и прошел на свое место, по-прежнему не желая сидеть в первом ряду. Инесса Павловна скомандовала музыкантам, разместившимся в правом углу сцены, и заиграла музыка.

То, что потом происходило, потрясло всех.

В глубине сцены Урманова выбрасывала плакаты, на которых были кратко описаны действия. По центру расхаживала в самодельной форме Клавка, нахмутив брови. Перед ней стояло несколько заключенных; из-за кулис показался обоз, сделанный из двух жердей. Было понятно, что привезли новых. Польшка шла с обозом в платье Ирины: Инесса Павловна нарочно убедила Ирину надеть другое, сшитое из остатков кулисной ткани для выступления Клавки. Заключенные присо-

единились к шеренге, и Клавка имитировала переключку. Когда подошел черед Польки (то есть Ирины), Клавка (то есть Ларионов) приказала жестом выйти вперед и показала пальцем в сторону Урмановой, которая вытащила плакат с надписью «ШИЗО». Полька пошла в ШИЗО, а Клавка села за стол, закурила и демонстративно закидывала стопку за стопкой: на столе стояла бутылка из-под коньяка с суррогатным чаем.

Потом Польку привели к Клавке, и всем стало ясно, что Полька убеждает Клавку, что надо что-то делать. Потом на сцене был показан процесс создания актового зала. Сцена заканчивалась просто. Артисты — семеро заключенных, среди которых и Клавка, и Полька, — стояли в ряд спиной к сцене, а потом по очереди развернулись, сложив слово «СПАСИБО» — у каждого в руке был лист с буквой.

С самого начала номера Ларионов почувствовал, как у него замерло сердце. Большинство заключенных в зале засмеялись уже на плакате «ШИЗО». Постепенно заулыбались и конвоиры, забывая, зачем пришли. На сценках перепалок между Ларионовым и Ириной, умело сыгранных Клавкой и Полькой, сам Ларионов поймал себя на улыбке. Он не ожидал такой ироничной, но при этом трогательной постановки, мастерски продуманной до мелочей. Пантомима лишала артистов необходимости говорить, что давало возможность каждому интерпретировать сцену по-своему. Клавка, одетая в мужской костюм, но без намека на униформу, могла быть кем угодно, но все понимали, что это был именно Ларионов. Плакаты с надписями не имели смысла без контекста сцен и были лишь несвязными словами.

Ларионов впервые совершенно явственно почувствовал, как служение людям наполняет сердце теплом и силой. Крошечные шаги в его заботе о народе

вызвали огромную волну добра в нем же. Он не понимал, какова природа этого душевного движения, но чувство благодарности проникало уже в его существо, вызывая беспричинную радость. И он был в шаге от пропасти! Он мог загубить все одним махом, уехав в Москву.

Ирина, потрясенная, встретила артистов за кулисами, не в силах вымолвить ни слова. Женщины бросились обниматься, а Ирина раскраснелась от смущения и неожиданности. Она видела из-за кулис реакцию Ларионова, и как администрация беспрестанно оборачивалась на него и, заметив его благодушное отношение к постановке, тоже аплодировала в конце, правда, с неисправимо постными выражениями на лицах. Большинство из них не были свидетелями работы Комитета, и постановка, в принципе, предназначалась для проявления признательности Ларионову и Ирине, благодаря которым был создан актовъй зал и происходило первое представление в лагере.

Далее по программе шел номер Губиной, который должен был идти первым, но из-за импровизации был сдвинут. Польша объявила его с особенным энтузиазмом. На сцену выбралась Губина в сопровождении Паздеева и Кузьмича. Ларионов потирал переносицу, чтобы скрыть улыбку.

— Граждане! — обратилась Губина, и в зале послышались смешки и кашель. — По просьбе администрации... коллектив администрации исполняет патриотическую песню для воспитания среди заключенных понимания... понимания значимости Социалистической Революции в борьбе мирового пролетариата с империализмом. Ура!

Заключенные отреагировали вяло, понимая, что всех сразу наказать не удастся. Кузьмич растянул гармошку баяна и подал знак начинать.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Некоторые заключенные с трудом сдерживали смех из страха наказания; кто-то слушал с грустью, вспоминая собственные революционные годы; кто-то испытывал негодование от цинизма, сокрытого для них в слове «свобода». Многих заключенных ожидали десятилетия жизни в лагерях, и даже если им прежде был свойственен патриотизм, теперь они считали себя обманутыми властью. Однако комизм Губиной и Паздеева под конец развеселил всех.

Во время этого номера Клавка переоделась к исполнению первой арии из «Аиды». Петь она собиралась а капелла, так как Кузьмич и его «оркестр» просто не могли реализовать такой сложный номер, и Инесса Павловна убедила всех, что использование инструментов Кузьмича заставит Верди «перевернуться в гробу».

Когда Клавка выплыла на сцену, в зале слышались гам и посвистывание. Короткие волосы ее были заколоты невидимкой у лба, что придало лицу внезапную женственность; синие глаза сияли от волнения. Клавке казалось, что с ней случился сон. Она качалась как в тумане и тяжело дышала.

— Клава, давай! — слышались крики из зала. — «Мурку» давай!

Клавка вдруг грохнулась на колени, и зал ухнул и затих. Ларионов вздрогнул от неожиданности. Ему

было ясно, что она сделала это не нарочно, а от переполнивших ее чувств. Так она стояла какое-то время, и Инесса Павловна заволновалась.

Но потом Клавка подняла голову и запела. Сначала она пела дрожащим голосом, отчего ария звучала особенно драматично. Потом обрела спокойствие и уверенность, и звук стал нарастать, как волны, набегающие с прибоем на берег, — все смелее, все глубже.

Ларионов был потрясен, какой красоты был голос у Клавы Сердючко и как вообще она была хороша — эта вчерашняя оголтелая воровка с самокруткой в зубах. Она проживала каждое слово, и хотя знала лишь общий смысл либретто, пересказанный ей Инессой Павловной, чувствовала настроение музыки. Она была обворожительна. Многие стали всхлипывать, и по окончании номера зал снова взорвался аплодисментами.

Ирина, наблюдавшая из-за кулис, заметила, как во время исполнения арии Клавкой Грязлов поднялся с места и вышел. Он что-то шепнул Ларионову, и тот кивнул. Вскоре после него Анисья тоже поднялась с места и покинула зал. Она сидела на одном из последних рядов, и Ларионов не мог видеть ее. Ирина не придавала значения этому совпадению. Она не знала, что через несколько минут Грязлов и Анисья встретились.

Анисья тихо подошла к конюшне и услышала там возню. Из ворот лился тусклый свет от масляной лампы. Она заглянула в щель и увидела Грязлова в полумраке, ногами ворошащего солому в деннике Шельмы. Затем он прошел к стогу и шуршал недолго там, но видеть его она уже не могла.

— Я пришла, — сказала нерешительно Анисья, подойдя к воротам конюшни.

Грязлова было видно в полумраке. Глаза его блестя, как у волка, глядящего из чащи ночью. Он молчал.

— Вы обещали помочь, — вымолвила она.

— Ты все еще рассчитываешь вернуть расположение майора? — спросил он, сложив тонкие губы в неприятной улыбке.

— Вы говорили, что можно что-то сделать.

— Кое-что можно. — Он неприятно усмехнулся.

Грязлов вышел из темноты и прошелся вокруг Анисьи.

— Будешь постукивать мне по делам майора, а я найду способ устранить Александрову.

Анисья немного съежилась.

— Узнаю, что болтаешь... — Он взял ее за шею и чуть сжал руку; Анисья дернулась.

— Ну что? Договорились, Анисья Михайловна?

Анисья почувствовала, что с ней происходит что-то страшное.

— Вы хотите ее убить? — еле слышно произнесла она.

— Не твоего ума дело, как я решу вопрос. Что, жалко подстилку своего майора стало? — Грязлов оскалился.

Анисья опустила глаза, лихорадочно думая, как теперь спастись.

— А за мои услуги будешь мне доплачивать, — добавил Грязлов и провел тыльной стороной ладони по ее плечу.

— Что это значит? — спросила она, сжимая шаль у шеи.

— Ты все понимаешь — не пионерка, — сказал он с усмешкой. — У нас мало времени. Ложись.

— Вы сошли с ума! — Анисья попятилась и затряслась от отвращения.

— Ложись! — рявкнул Грязлов и толкнул ее на стог сена.

Анисья упала на спину, ударилась головой о что-то твердое под соломой и не могла пошевелиться. Рана ее еще болела, и она поняла, что не сможет оказать сопротивление.

— Вы поможете?.. Вы не убьете ее? — только повторяла она сквозь слезы.

Грязлов гадливо расстегивал штаны и забирался уже на Анисью, дрожа от нетерпения.

— Помогу, — выдавил он сквозь зубы.

Он грубо сделал свое дело за несколько минут, быстро поднялся. Анисья с трудом села.

— Я не смогу тебе ничем помочь насчет Александровой, — сказал он наконец, глядя ей в глаза и поспешно оправляясь.

Анисья затряслась от рыданий.

— Заткнись.

— Вы обещали...

— Ничего я тебе не обещал, — отрезал Грязлов. — Что, под хвостом свербит? По майору соскучилась? Так я тебя буду так обхаживать, ты только скажи... О майоре забудь — он как на Александрову залез, тебя знать не хочет. У него теперь шлюха посвежее...

Он засмеялся. Анисья поднялась и накинулась на него. Грязлов ударил ее по лицу, и она снова упала.

— Сучка, — прошипел он.

— Грязный, жалкий червь! — вскричала Анисья. — Я лучше сдохну, чем с тобой буду. Ты мне омерзителен! Я все расскажу Ларионову!

Она плюнула в его сторону. Грязлов оставался спокоен, но она видела, как в глубине его глаз появилось то страшное выражение, которое она видела уже в его комнате.

— Ну что ж, — процедил он. — Попробуй.

Он погасил масляную лампу и резко исчез. Анисья сидела в стоге сена и покачивалась.

Глава 2

Зал разрывался от хохота: заключенные пели частушки. Ирина видела, как весело улыбался Ларионов, как до слез смеялась охра.

Получила Клавка пайку:
Только собралась поесть,
А Инесса ей мешает —
Просит арии пропеть!
Самара городок, беспокойная я-а,
Беспокойная я-а, успокой ты меня!

Борода у Кузьмича,
Ой, седая до колен.
А он все на девок смотрит,
Неуемный старый хрен!
Самара городок, беспокойная я-а,
Беспокойная я-а, успокой ты меня!

Каждый день мы валим лес:
Сердце надывается-а.
Полтайги уж повали-или,
А стройка не кончается!
Самара городок, беспокойная я-а,
Беспокойная я-а, успокой ты меня!

С охрой стройно ходим в лес,
Отморозили зады.
Шаг нельзя ступить за куст
Для справления нужды!
Самара городок, беспокойная я-а,
Беспокойная я-а, успокой ты меня!

Приглянулся мне майор,
Сердце в страсти плавится-а.

А он смотрит на другую,
Хоть и не красавица!
Самара городок, беспокойная я-а,
Беспокойная я-а, успокой ты меня!

Ирина покраснела и заметила смущенную улыбку Ларионова. Ее охватила радость. Она с удивлением поняла, что, если бы не ощущение несвободы; если бы не лишения, голод и холод; если бы не постоянная угроза для жизни, она была бы счастлива среди этих людей. Но она и была счастлива от близости к этой народной мудрости и способности в самые страшные времена сохранять тепло и самоиронию. Она больше не могла делить людей на богатых и бедных, образованных и необразованных; не могла разделять их по религии, полу или цвету кожи. Они все были равны перед лицом смерти, и выживали они тоже вместе. Чувства любви и сопричастности вытеснили из нее все прежние домыслы. Люди были нужны ей так же, как им была нужна она. Никогда Ирина не была более полезной и, как всякий деятельный от природы человек, только наполнялась силами от этого ощущения единения и созидания.

Ирина смотрела на Ларионова, его уже привычное лицо и вспоминала нежность, с которой он порой глядел на нее. Как ей всего этого не хватало в течение последних недель. Она скучала по нему! Ирине нестерпимо захотелось всецело открыться; рассказать то, что она так долго держала внутри; довериться ему. Она окончательно решила, что должна поговорить с ним после концерта. Это неожиданное решение вдруг сделало ее легкой как перышко. Как было замечательно признать правду о себе и не бояться ее больше!

Ирина так замечталась, что забыла, что подошло время ее выступления. Она уже переделась в свое

красное платье в мелкий цветочек, взяла гитару и перебрала струны. Она чувствовала, как у нее подкашиваются ноги и дрожат руки. Как же ей играть и петь? Она повернулась к Клавке.

— Клава, как я?

Клавка взяла Ирину за плечи.

— По правде сказать, баба ты красивая! — одобрительно улыбнулась Клавка. — Гляди, Ирка, совсем с ума сведешь нашего майора!

— Ох, и глупая ж ты, Клавдия! — засмеялась Ирина, все еще терзаемая мыслями о вчерашнем вечере и его решимости уехать.

— Глупая, зато дело толкую!

— Клава, — призналась Ирина, — я сильно волнуюсь.

Клавка залезла за занавес и вытащила оттуда фляжку с самогонкой, припасенной ею заранее «для куражу».

— Ну-ка, хлебни, через минуту тебя можно будет в бой вести!

Ирина хлебнула — и много; внутри все горело. Она почувствовала, как действительно через минуту тепло уже охватило все ее тело, и дрожь прошла. Клавка подмигнула.

Частушечники ушли за кулисы под отчаянные аплодисменты, улюлюканья и громкий протяжный свист. Ирина вышла на сцену с гитарой и села на табурет, поставленный для нее Кузьмичом. Она не могла смотреть на Ларионова и все еще чувствовала, как багровеет от смущения.

— Эту песню я сочинила на этапе, — сказала она робко.

— Иришка, спой от души! — крикнул кто-то из мужиков в зале.

Ирина стала перебирать струны, привыкая к гитаре и настраивая ее. Она смотрела на свои обветрен-

ные руки с обломанными, неопрятными ногтями, но мысли ее были уже далеко. Она никогда не была так счастлива, как теперь. Ирина мечтала на этапе донести эти стихи до того, кому они будут понятны, и это стало возможно. Неважно было теперь, каков будет исход ее судьбы в лагере. Она чувствовала, что сейчас происходит важнейшее в ее жизни.

Колеса стучат, сообщая мне срок
Разрыва с тобой без возврата.
Откуда, скажи, этот выпал нам рок?
Чуть-чуть — и захлопнутся врата
За мной. А где ты? Смотришь ли в небеса?
Там птицы, рассвет обгоняя,
Домой прилетят, и весны голоса
Я с ними тебе отправляю.
А где-то осталась бывая весна,
И я тебя в ней вспоминаю.
А мне эта комната стала тесна...
А мне эта комната стала тесна...
Я имя свое забываю.

Как сложно порою счастье догнать:
Мой поезд, ты медленный очень.
Усну на коленях чьих-то опять
И вспомню тебя между прочим.
А крыша вагона исчезнет на миг,
И будет лишь ясное небо.
Но в нем Михаила испытанный лик
Пророчит нам порцию хлеба.
Забыты свобода и ты вместе с ней,
Как это холодное лето.
До дна эту чашу ты выпить успеи.
До дна эту чашу ты выпить успеи.
И выброси в снег ее где-то.

Из осени в зиму умчат поезда:
Погода судьбе — не помеха.
В окошко сквозь дымку светит звезда,
Как в жизни последняя вежа.
Качает вагон, как мать колыбель,
Чтоб дети забыли о боли.
Но уж за окном мохнатая ель...
Мы тщетно мечтали о воле.
А где-то твой запах и бережность рук
Остались со мной незабвенно.
Ты ходишь по свету, любимый мой друг.
Ты ходишь по свету, любимый мой друг!
Ты ходишь по свету, любимый мой друг...
Я где-то исчезну, наверно... наверно... наверно...

Последние переборы затихли, и в зале тоже было тихо. Ирина решилась взглянуть на заключенных, потом не сдержалась и посмотрела на Ларионова. Он сидел, опустив глаза, и казался напряженным.

Ирина заметила только сейчас в дальнем ряду Анисью. Она плохо видела ее лицо, но ей показалось, что оно было заплакано, и подумала, что следует узнать у Анисьи, что произошло. Когда вернулся Грязлов, Ирина тоже не заметила. Он теперь сидел недалеко от входа чуть позади Ларионова, а не на первом ряду.

— Ирин, спой еще про любовь! — просили женщины из зала.

Ирина задумалась. Ларионов не поднимал глаз. На лице промелькнула грустная улыбка. Тонкие обветренные пальцы, немного дрожа, стали перебирать струны, но на этот раз она смотрела на Ларионова. И тихо, словно разговаривая с самой собой, запела:

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?
Головой склоняясь до самого тына...

Она видела, как он поднял на нее взгляд; как глаза его в мучительной тоске и вопросах рыскали по ее лицу. А она пела; пела для него, невзирая на спазм и дрожь в голосе. Он смотрел на ее исхудалое лицо, на котором выделялись скулы и темные брови; ее большие раскосые глаза сверкали от слез, отражая свет. Его охватили волнение и одновременно ужас. Он почувствовал, что начал задыхаться.

Дверь в зал резко распахнулась, вбежали охранники:
— Первый барак горит! Пожар! Барак горит!

Ирина отложила гитару и вскочила. Ларионов мгновенно бросился из зала, за ним повалила и толпа. Поднялись крик, суматоха и давка, в которых охрана пыталась разбить толпу и взять под конвой, но люди уже хлынули на улицу, и все беспорядочно бежали в сторону пожара.

Издалека было видно, что действительно загорелся первый барак. Заключенные уже носились с ведрами, черпая песок из железных бочек, кто-то таскал снег. Но было очевидно, что эти усилия не помогут справиться с расходившимся быстро пламенем. Кто-то закричал: «Барак закрыт!» Паздеев и Касымов ринулись его отпирать, и из него мгновенно, давя друг друга, стали вылетать люди.

Ирина, Клавка и Инесса Павловна едва смогли пробиться сквозь толпу, обступившую горящий барак. Огонь разрастался. Клавка вдруг крикнула:

— Рябова где?! Рябову забыли!

Ирина подбежала к Ларионову:

— Григорий Александрович, Рябова в бараке!

Ларионов быстро осмотрелся. Никого из охраны не было рядом, а рядовые гарнизона еще не подоспели из казармы. Кто-то оттаскивал людей, задыхавшихся от дыма, кто-то исчез в толпе, пытаясь справиться с заключенными, которых стали оттеснять вглубь зоны.